

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЭКСТРЕМИСТСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТАМИ-ПОЛИТОЛОГАМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУППЫ)¹

И.В. Николаев

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье излагаются результаты фокусированного интервью со студентами-политологами на предмет эмоциональной оценки экстремистской деятельности в России и в мире. Предпринимается попытка выявления объектов наиболее ярких эмоциональных реакций, в том числе субъектов, в отношении которых возникают чувства сопереживания, страха, сочувствия и т. п. Определяются факты экстремистской активности, вызвавшие отклик среди студентов.*

Ключевые слова: *экстремизм, праворадикальные идеологии, терроризм, фокус-группа, эмоциональная реакция.*

Исследование проводилось в рамках проекта, посвящённого праворадикальным идеологиям среди студенческой молодёжи. Цель фокусированного интервью состояла в выявлении места и роли в сознании студентов угроз праворадикального характера на фоне преобладания в информационном поле внешнеполитического дискурса. Перед студентами был поставлен вопрос, вытеснены ли из повседневного обихода националистические идеологемы, замещены ли они представлениями о внешнем враге или угрозе.

Задачей фокусированного интервью было заявлено исследование и сравнение эмоциональных реакций на акты проявления экстремизма и радикальных политических идеологий внешнего и внутреннего характера. Перед фокус-группой не ставились цели выявления репрезентативных данных. Результаты, полученные в процессе обсуждения, следует рассматривать как возможные формы проявления исследуемой проблемы. Обобщения до уровня генеральной совокупности исследовательского проекта недопустимы.

Для обеспечения максимального вовлечения каждого участника в дискуссию состав группы был сформирован в количестве 13 человек из числа студентов разного уровня обучения, проходящих подготовку в Институте философии и социально-политических наук Южного федерального университета по направлению «Политология». Гендерный состав испытуемой группы смешанный, с сохранением примерного паритета: 7 юношей, 6 девушек. При

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодёжи Ростовской области», проект № 14-03-00302а.

подготовке исследования был учтён фактор межличностных отношений потенциальных респондентов. В число испытуемой группы попали студенты, не замеченные в дружеских или иных видах межличностных отношений.

Тематика обсуждения

Официально тема обсуждения в рамках фокус-группы была сформулирована так: «Угрозы безопасности общественному порядку в России и мире». Тематика предполагала максимальную свободу в выборе направлений обсуждения, что обеспечило комфортные условия респондентам для высказывания своих переживаний по наиболее близким им вопросам, относящимся к экстремизму и радикализму. Однако для структурирования процедуры обсуждения и выявления универсальных критериев для испытуемой группы были выделены следующие тематические блоки:

- анализ событий за рубежом, связанных с угрозами общественной нестабильности (теракты в Париже 2015 г., вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины 2014–15 гг., конфликт в Сирии);

- внешнеполитические угрозы российскому обществу (террористическая активность, изоляция России, санкции, участие России в украинском и сирийском конфликтах, вмешательство других сил в зону интересов России);

- внутренние угрозы сепаратизма (этнические группы, политические организации);

- политическая нестабильность страны (заговоры, радикальные группировки, «происки Запада», несистемная оппозиция);

- националистические угрозы (националистические организации, расизм, антисемитизм);

- общая оценка конфликтогенности российского общества.

Подобное распределение акцентов в процессе обсуждения предполагает учёт мнений участников как о внешних, так и о внутренних угрозах стабильности российского общества, что представляет собой важный фактор для выявления эмоционального фона. Примат внешнеполитической тематики в средствах массовой информации и выстраивание информационной политики, основанной на поиске «внешнего врага», усложняют раскрытие эмоциональной оценки внутренних угроз экстремизма, таких как национализм, конфликты на религиозной основе, отношение к мигрантам, терроризм и т. п. В вопросах фокус-группы было сохранено преобладание внешнеполитической тематики, основанное на том предположении, что именно эти угрозы будут озвучены наиболее выразительно, в силу их актуальности для студентов-политологов.

Особенности коммуникации

В соответствии с собственной профессиональной принадлежностью, студенты-политологи продемонстрировали склонность к геополитическим рассуждениям, переходящим в абстрактные выводы. Конкретные суждения, а также личные примеры практически отсутствовали. Личные мнения в большинстве своем основаны на стереотипных представлениях, почерпнутых в СМИ. Респонденты высказывались предельно прагматично, оценивая конфликтную ситуацию с точки зрения учёта интересов сторон. Склонность к анализу ситуации на фоне поверхностного знания терминологии приводила к спорам об определениях и уводила в сторону от высказывания мнений.

Гендерные различия также оказали влияние на результаты обсуждения. Следует подчеркнуть, что девушки приняли менее активное участие, чем юноши, однако позиции нескольких активно высказывавшихся студенток содержали претензии на доминирование в коммуникативном пространстве. Реплики девушек оказались более конкретными, привязан-

ными к примерам из собственной жизни, в то время как юноши были склонны к абстрагированию. Эмоциональные реакции студенток оказались более яркими. В отличие от юношей, девушки высказывали свои опасения и переживания, связанные с усилением экстремистской активности.

Этническая принадлежность нескольких участников беседы (представителей северокавказских республик) в значительной степени изменила ход обсуждения, однако их позиция не была противопоставлена мнениям других респондентов. Высказывания представителей национальных меньшинств носили аналитический светский характер и не имели выраженной эмоциональной окраски.

Эмоциональный фон

Эмоциональный фон обсуждения сводится к противопоставлению нескольких базовых установок. Во-первых, лейтмотивом всего обсуждения проходит страх перед предполагаемыми терактами в России, которые последуют в качестве ответной реакции на операцию российских воздушно-космических сил в Сирии.

«После начала бомбардировок в Сирии (российские, французские и др.), Исламское Государство [запрещённое в России — примеч. ред.] отомстило. Надо тщательнее готовиться к терактам. Сочувствие, конечно, у меня есть к этим людям. Такое же может произойти в России. И произойдёт» [здесь и далее курсивом выделены цитаты интервьюируемых — примеч. ред.]

Подчёркивалась нервозность всего общества и нагнетание общественной истерии средствами массовой информации. Остро обсуждался вопрос о СМС-рассылке с предупреждениями о готовящихся терактах в Ростове-на-Дону; эмоциональная реакция говорит о внутреннем переживании и опасении, однако на вопрос, принимает ли кто-либо из участников дискуссии меры предосторожности, чтобы не попасть под удар террористов, согласием ответили только трое. Причиной скрытности, с одной стороны, выступает подсознательное нежелание признавать реальную опасность терактов в крупных городах России, так как это поведёт за собой осознание собственных опасений и перерастание их в чувство страха. С другой стороны, традиционная для русского характера убеждённость, что всё разрешится само собой и не коснётся конкретного человека, приводит к демонстрации подчёркнутого игнорирования угрозы, граничащего с показным геройством, поиском следов заговора или даже деятельности маниакальной личности.

«Может, это псих какой-то? Есть такой тип людей, которым нравится нервировать окружающих».

«Во многих странах есть представители ИГИЛ [запрещённого в РФ — примеч. ред.] или ему сочувствующие. Может быть, от них рассылка. Это может быть вброс от правительства. Обезопасить граждан и воздействовать на подсознание, что мы правильно бомбим Сирию».

Во-вторых, практически у всех респондентов присутствует сострадание жертвам экстремистской деятельности, несмотря на то, что студенты-политологи стремятся скрыть свои эмоции во время высказываний. При этом, подобное отношение возникает не только к жертвам терактов в Париже или в небе над Египтом, т. е. к европейцам, но и к жителям Сирии и Ирака, страдающим от конфликта террористической организации и международного сообщества. Гуманистическая позиция активно скрывается за прагматизмом в стиле Н. Макиавелли.

«Идея только одна: „Отстаньте от нас“. Это политический посыл странам, вмешивающимся в дела других стран».

Однако заигрывание с прагматизмом доводит дискуссию до обсуждения возможностей мести за теракты в отношении каких-либо народов на фоне реваншистских настроений и предположения, что никакая другая реакция официально признанных стран не может иметь

место. Однако эта точка зрения не доминирует, а замещается аналитической установкой и признанием факта, что технологии, отличные от принципа «насилие в ответ на насилие», в исторической ретроспективе не применялись в отношении террористических организаций.

В-третьих, группа респондентов демонстрирует осознанное недоверие официальным органам власти и источникам информации. Предлагается, что организация и проведение террористических актов может быть в интересах государства для поддержания уровня мобилизации общества и отвлечения внимания от реальных внутренних проблем.

[иронически] «Мы — высокоразвитая культура у нас всё будет хорошо, они [европейцы] — прогнившая. В принципе, российское правительство справляется с угрозой терроризма».

«Оправдание для ввода войск. Терракт полезен властям».

В целом, эмоциональный фон обсуждения в рамках фокус-группы среди студентов-политологов — не агрессивный, не панический; демонстрирует скрытые опасения и чувство сопереживания. Респонденты склонны к конструктивному обсуждению проблемы без крайних эмоционально насыщенных высказываний.

Объекты эмоциональных реакций

В процессе обсуждения было выявлено несколько объектов, упоминание о которых вызывает в аудитории яркие эмоциональные отклики. Следует уточнить, что гипотетически предполагаемые на эту роль объекты, такие как «ИГИЛ» [запрещена в РФ — примеч. ред.], «Донбасс», «бандеровцы» и т. п., не стали поводом для всплеска эмоций. В виду информационного избытка, отношение к этим терминам было спокойным. В то же время объекты, психологическое восприятие которых основано на глубинных явлениях, вышли на первый план.

Самую яркую эмоциональную реакцию можно было наблюдать при обсуждении восприятия студентами других религиозных конфессий. Объектом реакции при этом выступают представители исламских сообществ, демонстрирующие конфессиональную принадлежность в явном виде. Эмоциональное восприятие основано на культурно-антропологическом различии.

«Заходит кто-то в хиджабе, — естественно это вызывает вопросы. Это банальная потребность в безопасности».

Ощущение опасности при виде лиц, облачённых в традиционные мусульманские костюмы, возникает на подсознательном уровне, по признанию самих участников. Но в то же время является полноценно осознанным и подвергаемым критике.

«Если СМИ показывают, что девушки в хиджабах взрывают вокзалы, то ты, естественно, будешь их опасаться. Показали бы бородатого немецкого мужика, взрывающего вокзалы, боялись бы таких людей. Образ террора связан с хиджабом».

Не меньший эмоциональный отклик в аудитории вызвало обсуждение различий между поволжским и северокавказским исламом, а именно его отношение к русским, России и остальному исламскому миру. Акцентируется внимание, что северокавказский ислам ориентирован за рубеж, а поволжский — на Россию.

«Не вижу ничего, что могло бы объединить чеченцев и русских».

Наличие значительных различий предполагает потенциальную угрозу, маскируемую под внешнюю сплочённость перед лицом общего врага в лице международного терроризма.

Следующим по значимости объектом эмоциональных реакций следует назвать крушение российского авиалайнера в небе над Египтом, которое все респонденты признают террористическим актом в отношении России. Возмутительным, по мнению студентов, оказалась реакция российского правительства, которое долгое время не могло определиться, является ли катастрофа результатом террористической атаки. Предполагается, что, *«если РФ признает теракт, то потребуются какие-то ответные меры».* При этом тематика ситуации с россий-

ским самолётом в отечественных СМИ замалчивалась, что составляло яркий контраст с освещением другой трагедии — терактами в Париже.

«Никто не обращает столько внимания на Сирию, Ирак, Иран, а только на Францию. Внимание излишнее».

«Люди, живущие в мирных условиях, сочувствуют людям, живущим в мирных условиях».

«Теперь, надеюсь, старая Европа, наконец, откроет глаза».

Анализируя фрагментарные оценки информации в СМИ о двух катастрофах, студенты пришли к дилемме: мы сочувствуем им (европейцам) искренне — подсвечиваем Останкинскую башню и раскрашиваем «аватарки» в социальных сетях цветами французского флага, — а насколько их сочувствие к нам искренне и честно на фоне экономических санкций и политической изоляции, судить сложно. Не находя ответа на поставленный вопрос ввиду отсутствия полноценной информации, студенты додумывают наименее благоприятный вариант, предполагающий политическое лукавство и позёрство. Однако в собственном сопереживании пострадавшим в результате парижских событий респонденты не позволяют усомниться.

Наконец, последний из наиболее эмоционально оценённых объектов обсуждения проявил себя в дискуссии о потенциальном массовом притоке беженцев из стран Ближнего Востока. Студенты высказали предположение, что *«нашей виртуозной пропаганде будет тяжело переломить мнение об опасности беженцев, которое они создавали несколько лет в отношении Европы»*. На основе опыта общения с вынужденным переселенцами из Восточной Украины, которых *«встречали с распростёртыми объятьями»*, а после осознания их *«реальных притязаний»* стали *«недолюбливать»*, студенты пришли к выводу о том, что появление в нашей стране значительного числа беженцев из Сирии, повлечёт за собой всплеск националистических настроений и нарастание внутренних проблем. Однако несмотря на эти опасения, респонденты уверены, что в будущем стоит ожидать решения правительства о приёме переселенцев в нашей стране.

Воображаемый образ экстремиста

Обобщая фрагментарные высказывания об экстремизме, нами была предпринята попытка составить список признаков, которые, по мнению респондентов, могли бы быть присущи сторонникам экстремистской идеологии. Следует предварительно оговориться, что данный список справедлив исключительно для данной выборки и при наличии данного списка вопросов, и представляет собой лишь штрихи к картине, которую ещё предстоит дописать. Итак, по мнению студентов-политологов, лицо, несущее потенциальную экстремистскую угрозу российскому обществу...

- ...исповедует ислам. При этом, если мы говорим о российских гражданах, то это лицо, — вероятнее всего, из северокавказских республик. От представителей поволжских мусульман проявления экстремистских идей респонденты ожидают в меньшей степени.

- ...носит отличительные знаки принадлежности к конфессии (костюм, головной убор, религиозная атрибутика), то есть явно демонстрирует своё отношение к религии.

- ...поддерживает связь с международными террористическими организациями. Попытки вернуть дискуссию к проявлениям внутригосударственного терроризма были подавлены внешнеполитической тематикой.

- ...вероятнее всего, из числа беженцев, в лице которых студенты видят угрозу личной и общественной безопасности.

- ...возможно, побывало в зонах конфликтов, таких как Сирия или Восточная Украина, и там набралось опыта диверсионной деятельности.

- ...озабочено идеей мести за нанесённый вред ему/его народу/его стране. Студенты рассматривают проявления экстремизма как одну из форм возмещения ущерба в предвзятом понимании справедливости.

Выводы

Подводя итоги анализа объектов эмоциональных реакций, следует отметить, что большинство из них соответствует объектам негативного отношения представителей праворадикальных идеологических течений. Студенты видят угрозу личной и общественной безопасности в людях, исповедующих иную религию, в первую очередь, — ислам; в вынужденных и добровольных мигрантах. Таким образом, справедливо сделать вывод о присутствии националистических идеологем и стереотипов в сознании студентов-политологов. Это, безусловно, не означает, что данная категория молодёжи является активными апологетами данных идеологических представлений, а скорее говорит о влиянии информационного фона на мировоззрение студентов. Нагнетание противопоставления России и всего остального мира, в том числе и исламского, продолжающееся акцентирование этно-религиозного характера терроризма подпитывает стереотипы, сложившиеся в массовом сознании ещё в 90-е годы прошлого века.

Существенным фактором при обсуждении вопросов экстремизма и радикализма для данной группы студентов становится профессиональная принадлежность, несущая за собой ответственность за уровень квалифицированности высказываемых суждений. Повинуясь этому убеждению, студенты сторонятся демонстрации своей личной эмоционально окрашенной позиции, но даже при транслировании медийных штампов, респонденты проявляют своё личное отношение к объектам обсуждения (в форме резких высказываний, иронии, сарказма, невербальных средств коммуникации и др.). В целом, оценивая эмоциональный фон обсуждения тематики экстремизма в группе студентов-политологов, можно сделать вывод о невысокой степени нервозности и опасений, однако их наличие неоспоримо и имеет симптоматические проявления в форме ухудшающегося отношения к определенным социальным группам.

Важным итогом обсуждения следует также отметить тот факт, что большинство респондентов даже в дискуссии на внешнеполитические темы демонстрирует свою оппозиционную точку зрения в отношении официальной власти в России. Критическое мышление является общепризнанной маркой политологического образования, однако в ходе фокус-группы были замечены высказывания крайне оппозиционного характера, категорически отказывающие действиям властей в логике и здравомыслии.

В качестве резюме сделаем следующие замечания: во-первых, эмоциональный фон среди студентов-политологов на фоне преобладания кризисной информации в СМИ остаётся незначительно расстроенным; респонденты ощущают нервозность и опасения по поводу активизации экстремистских организаций, в первую очередь международных; во-вторых, особые эмоциональные реакции вызывают у студентов, в том числе и объекты негативного отношения праворадикальных идеологий, что говорит о наличии подобных стереотипов и идеологем в сознании молодёжи; в-третьих, нервозность подкрепляется растущим недоверием к официальной российской власти, непониманием целей её деятельности и предполагаемых результатов.

Дмитриева Е.И. 1999. Метод фокус-групп: проблемы подготовки, проведения, анализа. — *Социс. Социологические исследования*. — № 8. — С. 133–138.

Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. 1991. *Фокусированное интервью* / Перевод с английского Т.Н. Федоровской / Под редакцией С.А. Белановского. — М. — 86 с.

Ядов В.А. 1991. Стратегия и методы качественного анализа данных. — *Социология 4М*. — № 1. — С. 14–31.